

ЛІНГВІСТИЧНА МЕТОДОЛОГІЯ

Савченко Е.

*– преподаватель кафедры русского языка и литературы
Донбасского государственного педагогического университета*

Проскурин И.

*– магистрант II курса русско-украинского отделения
филологического факультета Донбасского государственного
педагогического университета*

УДК [81'276.12+003]:81'42

ПИСЬМО И ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Статья посвящена актуальному вопросу дискурсивных практик, соотношению письма и повседневной речи как объектов лингвистического анализа дискурса; рассматривается термин «дискурс», его возникновение и изучение.

Ключевые слова: коммуникация, паралингвистика, дискурс, текст, речь, метафора, контекст.

Савченко О.

*– викладач кафедри російської мови та літератури Донбаського
державного педагогічного університету*

Проскурін І.

*– магістрант II курсу російсько-українського відділення
філологічного факультету Донбаського державного педагогічного
університету*

ПИСЬМО ТА ПОВСЯКДЕННЕ МОВЛЕННЯ ЯК ОБ'ЄКТ ЛІНГВІСТИЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ДИСКУРСИВНИХ ПРАКТИК

Статтю присвячено актуальному питанню дискурсивних практик, співвідношенню письмового та повсякденного мовлення, який є об'єктом лінгвістичного аналізу дискурсу; розглядається термін «дискурс», його виникнення та вивчення.

Ключові слова: комунікація, паралінгвістика, дискурс, текст, мовлення, метафора, контекст.

Savchenko O.

*– Teacher, Russian Language and Literature
Department, Donbas State Teachers' Training University*

Proskurin I.

*– Master's Degree Programme student, Department of Russian and
Ukrainian Languages, Donbas State Teachers' Training University*

WRITING AND EVERYDAY SPEECH AS OBJECTS OF LINGUISTIC RESEARCH OF DISCOURSE PRACTICES

The article is devoted to the actual problem of discursive practices, the

correlation between writing and everyday speech as objects of linguistic analysis of discourse, the term «discourse», its origin and the study are considered.

Key words: *communication, paralinguistics, discourse, text, speech, metaphor, context.*

Постановка проблемы. В современном языковедении одним из перспективных направлений исследования является анализ дискурсивных практик.

Анализ последних исследований. Сам термин *дискурс* возник во Франции (*discourse*) и является развитием сосюрровского «parole» со стороны учёных, которые являются основоположниками постструктуралистской парадигмы гуманитарного знания. С середины шестидесятых годов минувшего столетия и по настоящее время Франция занимает лидирующее место в исследовании дискурсивных практик.

Одним из объектов лингвистического исследования дискурса является письмо как дискурсивная практика. Поворотными в этой области стали работы Ролана Барта «Нулевая степень письма» и Жака Деррида «О грамматологии» (см. также его предисловие к «Началам геометрии» Эдмунда Гуссерля).

Цель и задача исследования. Целью нашего исследования является проследить, как соотносится письмо и повседневная речь в контексте исследования дискурсивных практик. Соответственно, задача исследования состоит в выявлении соотношения письма и повседневной речи как объектов лингвистического анализа дискурса.

Изложение основного материала исследования. Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т. е. текст); именно такое понимание является предпочтительным.

Термин «дискурс» (от фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор», т. е. речь, процесс языковой деятельности; способ говорения) приобрел широкую популярность за последние десятилетия. Возможно, это связано с тем, что не существует четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления.

В лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение: «Дискурс – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [7, с. 136–137].

Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Трактовка языка как дискурса включает отношение к нему как к форме социального действия, непосредственным образом укорененного в социальных условиях его реализации. На формирование такого взгляда оказали воздействие теоретические направления в лингвистике, философии, антропологии, социологии. Одно из центральных мест среди них занимает теория речевых актов, созданная Дж. Остином в начале 1950-х годов прошлого века [10]. В данной теории язык рассматривается не как совокупность универсальных либо постоянно переопределяемых смыслов, но как область действий, посредством которых люди в повседневной практике влияют на поведение, мысли и эмоции окружающих. При этом подчеркивается тесная взаимосвязь между действиями, осуществляемыми посредством слов, и социальным контекстом употребления последних.

В разработке теории дискурса велики заслуги известного английского ученого Т. А. ван Дейка [4], который считает, что «дискурс» в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте». При этом исследователь подчеркивает, что для этого коммуникативного действия приемлемы вербальные и невербальные составляющие. Дискурс, по его мнению, в узком смысле ориентируется только на вербальную составляющую и может быть определен следующим образом: «термин «дискурс» обозначает заверченный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности

дискурса существуют. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса. В устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизировано, а в письменном – нет. При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Другое принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта в норме нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и других невербальных средств и т. д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстранение говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога.

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной – следует упомянуть еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследований мысленного дискурса, или (в традиционной терминологии) внутренней речи, принадлежит Л. С. Выготскому.

Если письмо – то, что рождается в тот самый момент, когда что-то происходит в речи под действием субъекта, что-то, что никогда ещё таким образом не происходило, тогда письмо является частью ритма, обнаруживая своё начало там, где завершается знание как настоящее прошедшего, в то время, как письмо – настоящее будущего, будущее в настоящем, в тот момент, когда

оно создаётся, чтобы затем стать прошлым, которое продолжает сохранять частицу будущего.

Как в таком случае о нём говорить?

Окольный путь здесь обязателен.

Прежде всего не нужно пытаться говорить о том, чем оно является, ведь в стремлении определить что-то определение неотделимо от логики идентичности.

Письмо обнаруживает своё начало там, где завершается поиск определения, по крайней мере, поиск уже определённого.

Примечательно, что поиск определения, как и сущности, приводит к ряду выработанных наименований.

Фердинанд де Соссюр утверждает, что отталкиваться от слов – это плохой метод.

Речь на самом деле должна идти скорее о том, как вписывается в письмо тот, кто его создаёт и кто его читает – это всё единый вопрос субъекта, рассматриваемого в качестве речевой функции, вопрос, в котором отсутствует структура различения-противопоставления индивида и социального. Это вопрос историчности дискурса, за которым скрыт вопрос радикальной историчности речи, вопрос функционирования речи в качестве ритма.

Если пересматривается понятие ритма, то пересматривается и теория речевой деятельности.

Вопрос письма выявляет работоспособность существующих представлений о речевой деятельности, скрепляя воедино речевую деятельность и общество.

Важно понять, что делает дискурс. Не то, что он говорит, а что он делает и как он делает.

Поэтому и следует мыслить дискурс в терминах дискурса.

Однако посредством знака, в том числе и в прагматике, он осмысливается в терминах языка.

И это противоречие, состоящее в том, что непрерывное осмысливается в терминах дискретного, тем больше укрепляет свои позиции, чем дальше оно остаётся незамеченным. Это то, что Соссюр именуется «традиционным делением» (лексика, морфология, синтаксис), тогда как переключка ассоциативного и синтагматического, которую он изобретает, подразумевает аналитику непрерывного.

Если любое представление о речевой деятельности является стратегией, любое представление о литературе и о письме также является стратегией.

Она говорит не только о том, что она делает с письмом.

Она также неизбежным образом говорит о том, что она делает

с речью, именуемой повседневной.

Связь, объединяющая письмо и ритм, в критическом смысле слова, выявляет радикальную историчность дискурса, любого дискурса.

Это «всё то, что не является стихами, есть проза» самого знаменитого языковеда знака – господина Журдена.

Так, следует разобраться в столь повседневном понятии «повседневная речь».

Сказать «повседневная речь» – значит неизбежным образом указать на знак с точки зрения инструментализма, который сам низводит речевую деятельность до уровня информации и коммуникации.

Молчать, как отмечал Хайдеггер, не значит быть немым и уж тем более – быть без речи.

Отсутствие звука, которое именуется тишиной (примечательно, что во французском и английском языках молчание, отсутствие речи, и тишина, отсутствие звука, обозначаются одним словом – «silence»), – явление иного порядка, поскольку оно не является ни прерыванием, ни исчезновением человеческого голоса.

Здесь можно было бы говорить об омонимии.

Природа не молчит.

Как молчание, так и речь, которые мы ей приписываем, походят на нас.

Молчание мира – метафора.

Самым банальным образом в молчании присутствует частица голоса, а в голосе – частица молчания.

Всегда – смысл.

Или значение, ведь для речи нет пространства вне её.

Моменты молчания являются её частью. Как пишет Деррида во «Введении к «Началам геометрии» Гуссерля»: «Молчание доисторических тайн и захоронённых цивилизаций, погребение утраченных намерений и хранимых секретов, нечитабельность вычеканенных надписей обнаруживают трансцендентальный смысл смерти в том, что объединяет её с абсолютном интенционального права в самый момент его поражения» [3, с. 110].

Ролан Барт делал вывод о тройном делении на речь, письменное и письмо.

Итак, только писатель может быть субъектом.

Существует столько же способов «пунктуации», сколько и субъективных ритмов. Тройное деление Барта, базирующееся на раздвоении письменного, поддерживает дихотомию устного и письменного. Выводя письмо за пределы повседневной речи,

изолируя его, Барт укрепляет одно из свойств знака – инструментализм. Лингвистический субъект процесса высказывания изменяет индивидуальную речь (parole) Соссюра, которая нейтрализует противопоставление устной и письменной речи, поскольку она представляет собой индивидуальный акт речи, нейтрализуя разделение на индивида и субъект речи.

Существует также поэтический субъект процесса высказывания, такой, что дискурс изменяется посредством субъекта и субъект достигает статуса субъекта посредством этого дискурса. Два вектора изучения функционирования, предложенные Соссюром, – ассоциативный и синтагматический позволяют изучать функционирование дискурса там, где «традиционное деление» (лексика, морфология, синтаксис) не только не подходит, но и препятствует анализу.

Всякое изучение дискурса воспроизводит анализ дискурса при помощи концептов языка.

Если обратиться к психоаналитической теории речи, то обнаружится примечательный факт: Фрейд заинтересовался речью, изучая истерию.

Истерия в том виде, в каком она изучалась Фрейдом, способствует новому пониманию дискурса, существенному для теории речи, ведь истерия делает очевидным влияние речи на тело, выявляет связь между речью и телом, где уже более нет метафор: метафоры претворяются в жизнь.

Истерия свидетельствует о власти речи над телом, как и о своём телесном характере.

Отсюда мы могли бы заключить, что доля телесного необходима, чтобы речь стала деятельностью, *energeia*.

В истерии симптом заменяет речь, когда она деметафоризируется.

Речь растворяет симптом посредством обнаружения метафоризации. Психоанализ, призванный открывать потаённое, свидетельствует о том, что он анализирует речь посредством языковых понятий, скрывающих от него субъект, поскольку психоанализ рассматривает речь с помощью той или иной философской концепции (к примеру, рассуждения Альгирдаса Жюльена Греймаса об изотопии дискурса [2, с. 99–147]).

Стремление понять функционирование языка как средства отражения мыслительных процессов, коммуникативной перспективы, тематической связности высказываний характерно для дискурсивных исследований. Лингвистика текста сыграла большую роль в развитии лингвистики второй половины XX века, вывела ее

за рамки предложения, поставила вопрос о языковой картине мира, во многом определяющей использование тех или иных языковых единиц. Для лингвистики текста важной составляющей является связность текста и лингвистические средства ее осуществления, тема-рематическая прогрессия в тексте. Те же вопросы находятся и в поле зрения дискурсивного анализа, но на более широкой основе понимания текста как объективного, так и субъективного, основанного на жизненном и общественном опыте человека.

Выводы. Сопоставив письмо и повседневную речь как объекты лингвистического анализа дискурсивных практик, мы наблюдаем, что соотношение этих дискурсивных практик рассматривается различно и не последнюю роль здесь играет методологическая позиция исследователя. Ролан Барт, утверждая нулевую степень письма, тем самым почти стирает демаркационную линию между ними. Аналогичным образом, но исходя из психоаналитической парадигмы, поступает в своих рассуждениях на тему изотопии дискурса Альгирдас Жюльен Греймас. Не то ли самое утверждает и Деррида во «Введении к «Началам геометрии» Гуссерля», когда он пишет, что «возможность письма обеспечивает абсолютную традиционализацию объекта, его абсолютную идеальную объективность, то есть чистоту его отношения с универсальной трансцендентальной субъективностью; обеспечивает, освобождая смысл от его наличной очевидности для реального субъекта и от наличного обращения. Акт письма – возможность конституирования» [3, с. 108–111].

Перспективы дальнейших исследований. Письмо и повседневная речь как объекты лингвистического анализа дискурсивных практик остаются перспективными для дальнейших исследований. Эти области остаются всё ещё мало разработанными, в частности, в русистике. На наш взгляд, немалую научную ценность имели бы работы, в которых привлекались бы труды русских философов, касающиеся вопросов философии языка, к примеру, работы Павла Александровича Флоренского, Густава Густавовича Шпета о внутренней форме слова, труды Алексея Фёдоровича Лосева в области философии имени. Перспективными были бы феноменологические интерпретации русской философской мысли в стиле Владимира Вениаминовича Библихина.

Также требуют дальнейшего изучения в рамках дискурсивных исследований дискурсивные практики на просторах сети Интернет, в частности, социальные сети.

Литература

1. Барт Р. Как жить вместе: романические спекуляции некоторых пространств повседневности / Ролан Барт. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
2. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / Альгирдас-Жюльен Греймас. – М. : Академический проект, 2004. – 368 с.
3. Гуссерль Э. Начала геометрии. (Введение Жака Деррида) / Эдмунд Гуссерль, Жак Деррида. – М. : Ad Marginem, 1996. – 269 с.
4. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
5. Каменская О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 152 с.
6. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / Жак Лакан. – М. : «Русское феноменологическое общество», изд-во «Логос», 1997. – 184 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
9. Мешонник А. Рифма и жизнь / Анри Мешонник; пер. с фр. Ю. Маричик-Сьоли. – М. : ОГИ, 2014. – 400 с.
10. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–29.
11. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике / Фердинанд де Соссюр. – М. : Издательская группа «Прогресс», 2000. – 280 с.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. В. Дьяконов. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 448 с.
13. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации) / Мартин Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2012. – 224 с.
14. Хюбнер Б. Мартин Хайдеггер – одержимый бытием / Брюно Хюбнер. – Санкт-Петербург : Академия исследования культуры, 2011. – 172 с.